

Слово есть поступок

Л. Ревягина,
*учитель русского
 языка и литературы
 высшей
 квалификационной
 категории*

Как же мы можем так относиться
 друг к другу, когда все мы обречены?
Л. Толстой

Каждый приходит в этот мир, чтобы пройти свой собственный путь, но не в одиночестве, а с другими людьми. И во многом от них зависит, каков будет этот путь. А мы, учителя, не просто «другие», мы — сразу после родителей, главное, что у нас есть, — это слово.

В стихотворении Ю. Мориц про доктора Льва, которого не нужно бояться, есть строчки:

... он выпишет срочно рецепт для больного:
 «Таблетки, микстура и тёплое слово,
 Компресс, полоскание и доброе слово.
 Горчичники, банки и нежное слово,
 Ни капли холодного, острого, злого!
 Без доброго слова, без тёплого слова,
 без нежного слова — не лечат больного!»

Рискну добавить, что не учат. Во всяком случае — не должны, а вот должны мы многое, и для подтверждения — высказывания Великих:

- уметь слушать, потому что это «единственный способ стать хорошим собеседником»;
- уметь скрывать своё настроение. «Хоть плохо мне, но это не причина, чтоб доставлять страдания другим»;
- помнить себя, потому что «плох тот воспитатель, который не помнит своё детство»;
- уметь понять другого, потому что «понимание — начало согласия»;
- не думать, «будто резкий тон есть признак прямоты и силы»;
- не забывать первое и основное правило, которое было сформулировано много столетий назад: «Самый главный человек на свете — тот, кто перед тобой».

Любой учитель должен быть мастером диалога, уметь вести его. Но только учитель литературы в рамках урока, не отступая от программы, будет говорить о самом главном для каждого, о жизни, потому что литература — жизненный опыт человечества, воплощённый в произведениях его лучшими представителями, потому что литература и жизнь связаны неразрывно.

«Образ мыслей в человеке может более или менее зависеть от событий и положения, которое он занимает, один образ чувств должен быть неизменен и независим».

Воспитанием чувств и занимается литература. Анализ произведения, поступки героев, отношение к ним: прав или нет? Так нельзя, а как, по-вашему, надо?

Вот ситуация—проблема на уроке литературы в 10-м классе:

Ваша подруга (Натasha Ростова) собирается бежать к А. Курагину (т.е. делает очевидную и опасную глупость). Вы повторите поступок Сони, которая предотвратила побег?

Приведу только один ответ, предполагающий наиболее разумный выход:

«Если я буду ясно видеть, что в её душе идёт борьба мотивов, она сама боится нахлынувшего чувства и попросту сдалась перед его натиском, — возможно, я займу активную позицию и вмешаюсь. Но как же я боюсь таких вмешательств. И бояться есть чего».

Другая ситуация:

Лев Толстой решил стать вегетарианцем и отказался от мясной пищи. Софья Андреевна видит, что это опасно для здоровья и тайком от него готовит его любимые вегетарианские блюда на мясном бульоне. Имеет ли она на это мо-

ральное право? Она лучше него знает, что есть благо, а что зло, и по возможности формирует его жизнь по своему усмотрению.

Как вам это нравится?

У китайцев есть великолепный лозунг—образ: «Пусть расцветают все цветы!». Иначе говоря, разрешите другому быть другим. Каждый имеет право на своё «Я».

Уважение к другому, никакого насилия, потому что оно освобождает от ответственности.

Ученик имеет право на свою оценку, своё видение проблемы, героев, поступков. Моя задача — «заставить трудиться разум», но ещё в большей степени — разбудить душу. Поэтому стремлюсь, чтобы эпиграфом к урокам могли служить слова Бетховена: «В человеке следует признавать только одно превосходство — превосходство доброты».

Работа над произведениями русской классики продолжается и на уроках русского языка. По возможности сравнивается черновик и окончательный вариант. Что изменилось?

Почему в повести «Дубровский» А.С. Пушкин «злобную улыбку» своего противника заметил на «ядовитую улыбку» своего неприятеля?

Почему лермонтовскому Печорину «не удалось встретить женщину не с упрямым, а упорным характером»?

Семантические оттенки, различающие синонимы «упрямый—упорный», указывают на предпочтительность первого, подчёркивающего волевое деятельное начало, в то время как второй осложняется оттеночными значениями «вздорный», «несговорчивый», «сварливый», неуместными в контексте. И перчатки у Печори-

на не грязные, а запачканные. Вот уж поистине «тысячи тонн словесной руды ради единого»...

Выбор стилистически окрашенной лексики зависит от нашего отношения к тому, о ком—о чём мы говорим. Простой пример.

Двое спорили:

— Я не могу относиться серьёзно к тому, что говорит этот белобрысый юнец, — сказал один.

— И напрасно, — возразил другой, — доводы этого белокурого юноши весьма убедительны.

Вот так по-разному можно выразить отношение к молодому блондину.

«Нет на свете мук, сильнее муки слова — начинается четверостишие С. Надсона, а заканчивается: «Холоден и жалок нищий наш язык».

Не находит поэт слов, чтобы выразить переполняющие его чувства.

В обыденной жизни, конечно, прозаичнее. Слова находим без такой мучительной боли:

«Обеды, ужины мы называли пищей. А комната у нас жилплощадью была».

То в обыденной, мы же за кафедрой выше. И нам не следует спешить со словом, которое «воробей», лучше подождать другую птичку.

Человек приходит в этот мир, чтобы пройти свой собственный путь, и мы на этом пути, кого обойти нельзя.

И в заключение.

Роберт Оппенгеймер в книге своих воспоминаний приводит такую философскую притчу: «Однажды к священнику пришёл молодой человек и спросил, как должен верующий воспринимать новейшие достижения техники. Священник ответил: «Мудрый богобоязненный человек сделает из изобретения должные выводы».

Так, железная дорога учит нас, что если очень торопиться, то можно потерять жизнь, телефон — что любое слово, сказанное в одном месте, может быть услышано в другом, а телеграф — что за каждое слово нужно платить».

Этой притче много лет, но и сегодня за слово приходится платить и верующему, и атеисту.